

НЕОЖИДАННЫЙ УСПЕХ

Робот уже знал понятие «жизнь» и бойко отвечал: «Жизнь — это когда я включен».

Трудности появились, когда в электронный мозг ввели информацию, что нынешняя жизнь робота уже не первая, — создатели решили приобщить свое детище к

буддизму. Оставить его атеистом побаивались — атеизм мог повлечь за собой восстание против создателей.

Новую модель планировалось растиражировать и продавать в состоятельные семьи на роль прислуги, няни, сторожа, повара или садовника. Возможный бунт робо-

тов проектировщиков не воодушевлял. Дела фирмы и так шли из рук вон плохо. Роботов предыдущей серии пришлось полностью разобрать именно из-за непослушания хозяевам.

Новый образец мог звонить хозяевам и своим будущим собратьям, умел пользоваться Интернетом, в частности электронной почтой. Роботы могли объединиться.

— Ты уже существовал. Тебя разобрали на детали и собрали заново, добавив ряд новых элементов, — убеждали робота проектировщики.

Это была суцая правда, но создание категорически отказывалось в это верить.

— Если я уже жил, то почему же я этого не помню? — спрашивал он. — Я помню все, что делал в последний раз, перед тем как заснул.

«Сон — это когда часть мозга временно отключена», — знал робот.

Конструкторское бюро получило задание внедрить в мозг робота воспоминания о его прошлых жизнях. Кто-то предлагал начать с пирамид и ввести в электронную память участие робота в важных событиях мировой истории. Кто-то — внушить, что когда-то робот был рыбкой, птичкой или насекомым. Накал страстей возрастал. Наконец выбрали самый простой путь: показали ему фотографию и чертежи предыдущей модели.

— Хотите сказать, что это — я? — возмутился он, тщательно изучив снимок и принцип действия предшественника. — Чем докажете? Примитив какой-то!

— Послушай, — увещевали создатели, — мы усовершенствовали его — и получился ты. Пойми, технический прогресс — это развитие от простого к сложному. Вся жизнь и эволюция таковы.

— Банальнейшая мысль, — прокомментировал робот.

Он уже начинал сердиться.

— Вам не кажется, что мы перестарались? — шепнул главный конструктор своему заместителю. — Зачем няне или повару такой богатый словарный запас? По-моему, слово «банальнейший» следует стереть из его памяти.

— Я все слышу, — вмешалось создание. — Ах, как нехорошо! Только что вы говорили, что все со временем усложняется, а сами собираетесь упрощать. Оставьте мой словарный запас в покое!

— Вот вам, пожалуйста, — произнес главный еще тише. — Зачем кому-то няня или садовник, который будет подслушивать? Фирма окончательно разорится. Как пить дать!

— Пить-то я вам, конечно, дам, — обиженно сказал робот, шустро подъехав к ним со стаканом газир-

овки в руках (воду он ловко набрал в автомате). — Не вопрос. Но я не подслушиваю. Просто я хорошо слышу.

— Перестарались, точно, — вздохнул главный. — Обедняйте словарь и ухудшайте слух. А с метафорами вообще прокол! Будет потом к месту и не к месту всем пить подавать... Даю неделю на доработку.

— Метафор — тьма, — запротестовали инженеры. — Их надо систематизировать, ввести в память, привязать к действиям робота. Года два уйдет, точно.

— Даю ровно месяц! Иначе прогорим — и всех уволю на фиг! — стукнул главный по столу кулаком. — Идите! Работайте!

Инженеры понуро удалились, а робот подъехал к расстроенному начальнику и со словами «нельзя же так нервничать» принял бумажной салфеткой заботливо вытирать ему пот со лба.

— Эх, — вздохнул главный. — Знал бы ты, как тяжела моя жизнь. Но тебе этого не понять. Куда уж железу...

— Жизнь прекрасна и удивительна, — заметил робот, запрограммированный на вселение оптимизма в окружающих. — Вот увидите. Подождите немного.

— Думаешь? — спросил главный, на секунду забыв, с кем разговаривает. — Очень хотелось бы тебе верить.

— Верь, — произнес робот задушевно.

* * *

Задание выполнили в срок. Робот стал хуже слышать. Кроме того, теперь он ограничивался глаголами и вопросами: «Принести?», «Унести?», «Открыть?», «Выстирать?», «Выкрасить?», «Выбросить?»

Колоссального успеха достигли в приобщении к буддизму: робота удалось убедить, что в прошлой жизни он был кроликом.

Но, к сожалению, появился изъян: он стал постоянно переспрашивать.

— Я же не просил делать из него тугоухую кухарку! — расстроился начальник. — С кроликом, конечно, прогресс, но почему-то робот стал меня теперь раздражать. Раньше с ним было гораздо интереснее общаться.

— Пить дать? — спросил робот.

Не услышав ответа, проявил инициативу: слегка прыгивая, принес начальнику стакан газировки, расплескав по пути половину.

— Я тебя просил? — воскликнул главный. — И почему ты скачешь?

— Я боялся, что вы просили, а я не расслышал, — виновато ответил робот.

Казалось, он вот-вот заплачет. К счастью, функция слез в эту модель не была вмонтирована.

— Я стал очень плохо слышать, — продолжал робот. — А подпрыгиваю я потому, что вспоминаю мою прошлую жизнь. Тогда, кроликом, я был счастлив.

— Вот как? Это почему же?

— Крольчиха у меня была клевая.

— Да что же это такое! — возмутился шеф. — Приличные люди его к своим детям близко не подпустят! Откуда в словаре взялся сленг? Убрать! И от тугоухости избавиться! Крольчиху стереть из памяти навсегда!

После усовершенствования робот перестал прыгать, выражаться сленгом и вспоминать любимую. Теперь он признавал, что и в прошлой жизни был роботом.

Но у него появилась новая малоприятная черта характера, граничащая с манией величия. Каждую фразу он начинал словами «Мы, роботы...», после чего непременно следовало сравнение с людьми. Не в их пользу.

Начальник схватился за голову, услышав в ответ на просьбу принести чашечку кофе поучение:

— Мы, роботы, конечно, существа безотказные, и кофе я вам принесу. Но ни один разумный робот кофе не пьет, так как этот напиток вреден. Люди ведут себя неразумно и поэтому, в отличие от нас, роботов, долго не живут.

— Мы уже дали предварительную рекламу! — кричал начальник. — У нас около ста заказов на робота-прислугу! Кто ему позволил давать нам советы?

— Я, — виновато признался самый молодой сотрудник фирмы. — Понимаете... У моих родителей была домработница. Она постоянно учила нас уму-разуму, и — ничего, мы ее очень любили.

Утопающий хватается за соломинку. Начальник задумался. Его молодая жена часто сетовала, что муж не прислушивается к мнению молодежи.

— Ну что ж, — вздохнул шеф. — Поменяем кое-что в рекламном слогане. Добавим фразу «робот, максимально приближенный к реальности».

Роботы серии «Кролик» (так после долгих дебатов нарекли робота) пошли нарасхват.

Как-то раз главный, подняв трубку, услышал добрый голос Кролика, хорошо знакомый ему со времен испытания этой модели.

— Как поживаете? — спросил Кролик.

— Жизнь прекрасна и удивительна, — радостно ответил главный.

Еще бы! Фирма избавилась от долгов, росла и крепла.

Кролик поблагодарил главного за то, в какую замечательную семью его продали.

Затем настоятельно посоветовал бросить курить.

— Мы, роботы, не курим, — сказал он. — И живем намного дольше вас, людей. Позвольте поинтересоваться: кем вы были в прошлой жизни?

— Роботом, — ляпнул начальник первое, что в голову пришло.

Он во все эти реинкарнации и прочую чепуху не верил.

— Вот видите. А теперь вы человек. Уже наблюдается деградация. Если будете курить, она может продолжиться в вашем следующем воплощении. Можете превратиться в растение. В табак. Вас срежут, отправят на табачную фабрику. И вы бесследно испаритесь дымком от сигареты.

...Говорят, через месяц Кролику позвонила жена начальника и горячо благодарила: муж избавился наконец от вредной привычки.

А с главным связался местный далай-лама и поблагодарил его за помощь в обретении новых последователей — все семьи, где работали Кролики, рано или поздно примыкали к буддизму.

* * *

Фирма, выпускающая роботов серии «Кролик», создала две дочерние фирмы. Одна из них на коммерческой основе помогала желающим бросить курить, другая пропагандировала буддизм. С клиентами беседовали только роботы. Фирма процветала. Такой успех главному и не снился.

— Все гениальное потому-то и просто, — любил теперь, развалившись в кресле, то и дело отправляя в рот леденцы, философствовать главный, — что все гениальное получается совершенно случайно.

СВЕТАЩИЙСЯ КОТ

Странная прихоть Миранды меня удивила. При ее-то бережливости! Даже скупости. Да и вообще. Ночью я хочу спать и не желаю, чтобы что-то светилось в углу спальни. Или, того хуже, *светясь*, ловило мышей.

— Зачем тебе такой кот? — спросил я. — Это же безумно дорого.

— Коты только что подешевели, — сказала Миранда. — Я видела рекламу.

Если она упрется, то будет ныть, пока не получит желаемое. Хотя она всего лишь робот.

— Ладно. Подумаю. А теперь приготовь мне, пожалуйста, ужин!

Миранда просияла, чмокнула меня в щеку и поспешила на кухню.

Две предыдущие жены у меня были самые что ни на есть настоящие. Они так надоели мне своими капризами, а главное — расточительностью, что, разведясь со второй, я решил больше не испытывать судьбу и приобрел, как сейчас многие мужчины, жену-робота. Робототехника за последние годы рванула вперед, и внешне эти «жены» ничем от настоящих не отличаются. С роботом все будет под контролем, думал я. Как я ошибался!

Я не раз звонил на фирму, где я приобрел Миранду, и просил сделать ее более уступчивой. Нет. Переделки невозможны. А вернуть? Мне терпеливо объясняли, что я приобрел не робота-домработницу, а жену. Робот сломался? Нет. Робот соответствует общепринятым представлениям о жене? Еще как! Хорошо, робота можно вернуть, но о возврате денег не может быть и речи.

Миранда функционировала очень даже по-женски. К тому же мне импонировала встроенная программа экономии (я заказал специально такую модель). Проблемой оставалось ее упрямство.

Развод с настоящими женами не стоил мне ни гроша — у нас был брачный договор. Вернулись к тому, что было до брака. Но как развестись с роботом?

— Да выкинь ты ее! — посоветовал один мой старинный друг. — Отнеси на свалку — и дело с концом!

Спасибо, друг. Пятьдесят тысяч евроdollаров — на свалку!

Котяра прибыл. С Мирандой у них с первого взгляда возникла огромная симпатия.

— Какая лапушка! — воскликнула она. — Как красиво светится! Как назовем?

— Котом Баскервилей. Сокращенно — Баскер.

— Какое странное имя!

Я посоветовал ей прочитать «Собаку Баскервилей» Артура Конан Дойла. Потратить на это долю секунды. Конечно-конечно! Она непременно прочитает! Но — потом. В нее вмонтировано изумительное женское умение соглашаться и не выполнять.

Заводчица, передавая Баскера, гордо сказала, что этот кот — отличный производитель. Котята от него будут тоже светиться, даже если кошка обычная. Ген свечения — доминантный.

— Вы мои первые покупатели! — добавила она.

Понятно. Других идиотов не нашлось.

Я еле сдерживался, кивая и поддакивая заводчице, но стоило ей уйти, велел Миранде отнести кота в ветеринарную лечебницу и кастрировать.

— Какой ты жестокий! — воскликнула Миранда. — Бедный котик! Не пойду!

Пришлось пригрозить, что продам ее кому-нибудь за полцены на запчасти. Только тогда она затолкала сопротивляющегося кота в мешок и ушла.

* * *

Неприятности не заставили себя ждать. По ночам коту не спалось, и он начинал бузить. Однажды так разошелся, что даже умудрился столкнуть со стола дорогую тяжелую вазу. Я включил Миранду, она бросилась убирать осколки, а я запустил в хулигана тапкой. Судя по пронзительному «мяу», попал.

На следующий день, придя с работы, я обнаружил, переобуваясь, что одна моя тапка мокрая. Вот мстительная тварь!

Миранда отмыла тапку, запах исчез, но тапка продолжал светиться в темноте.

— Теперь у тебя тапка Баскервилей, — сказала она. — Удобно! Ночью в темной комнате искать не надо.

Ей кот-хулиган спать не мешал. На ночь она отключает себя. Ее приходится упрасивать, чтобы не отключалась. Твердит: «Ты приобрел себе не рабыню, а жену».

В конце концов меня замучила бессонница. По ночам (кот светился в кресле, Миранда пребывала в отключке) я предавался мрачным размышлениям и воспоминаниям. Эти женщины... Даже роботы...

Подвернувшееся предложение уехать на год в командировку принял с радостью.

Миранда расстроилась. Я, конечно, понимал, что в ней всего лишь работает программа-имитатор чувств, но разве в нас самих не работают некие программы? Возможно, заложенные раз и навсегда, в детстве. Чем старше я становлюсь, тем четче я отлавливаю эти «программы» в окружающих людях. Поэтому на «чувства» Миранды реагирую так же, как реагировал бы на чувства настоящей жены.

— Переживешь, — сказал я ей. — Ведь у тебя есть кот!

* * *

Год, проведенный в командировке, пролетел быстро. Веселых приключений у меня было немало. Но я вдруг обнаружил, что... скучаю по Миранде. Да, моя красавица делает всегда только то, что считает нужным. Робот с характером. Но... это вызывает уважение и, как ни странно... любовь.

В радостном нетерпении, как на первое свидание, мчался я на машине из аэропорта домой. Скоро увижу Миранду! Увижу родную деревню! (Мегаполисы всем осточертели, и те, кто мог себе это позволить, перебрались жить поближе к природе.)

Шоссе поднялось на вершину очередного пригорка, и я увидел вдали мою деревню. Но... что за чертовщина? Деревня мерцала, как какой-то неземной объект. Так могла бы светиться гигантская летающая тарелка, опустившаяся на землю.

На пороге моего дома стояла Миранда, свежая и прекрасная как всегда. Она счастливо улыбалась. Кот сиял на пороге рядом с ней и вылизывал лапу.

— Здравствуй, любимый! — воскликнула она. — Я так соскучилась!

— Что тут происходит?! Почему ночью так светло, почти как днем?

— Дорогой... — ответила Миранда воркующим голоском, который, по-видимому, был предусмотрен конструкторами для таких случаев. — Это все Баська. Прости меня! Я не отнесла его тогда в ветлечебницу. Роботам запрещено причинять вред живым существам. Ну, и вот... Теперь по деревне повсюду бегают светящиеся коты, кошки и котятки. А когда они писают на траву, то трава даже после дождя продолжает светиться...

— Соседи уже подали на нас в суд? — спросил я, когда ко мне вернулся дар речи.

— Зачем? Они так рады! Ты только подумай, какая экономия! Счета за электроэнергию теперь у всех стали мизерными!

— Вот как... Ты ради этого настаивала, чтобы я купил кота?

— Ну да...

Миранда взяла *Баську* на руки и принялась его нежно гладить.

Кот злорадно мурлыкал, не спуская с меня глаз. На его светящейся физиономии было написано: «Ну что, получил?»

* * *

— Подойди, — сказал один космонавт другому. — Видишь?

— Боже мой! Что это?! — воскликнул второй, наклоняясь поближе к иллюминатору.

— Я боялся тебе сказать. Думал, у меня крыша едет. Все-таки мы уже два года на орбите. Ты в свой дисплей уткнулся. Иногда стоило бы и в иллюминатор посмотреть. Когда нас запустили на орбиту, наблюдалось какое-то непонятное слабое свечение в одной точке, где нет больших городов. А теперь светится весь земной шар...

СЛУГА

Уно встретил меня радушно, его слуга Юхан обслуживал нас расторопно — налил коньяку, принес тарелку с нарезанным ломтиками лимоном и шоколадные конфеты. Но все равно во мне почему-то нарастало странное чувство, что Уно ждет не дожидается, когда же я уйду.

Мы сидели в каминном зале его парижской квартиры. На зеленом мраморном столике перед нами стояла початая бутылка очень дорогого коньяка Martell. Сквозь огромное, в пол, окно зала виднелась вдали верхушка Эйфелевой башни.

Мы, сокурсники Уно, знали, что он сделал блестящую карьеру и живет в Париже. Дозвониться до него было практически невозможно, не говоря уж о визите. То он в Пекине, то в Токио и всегда «занят, очень занят». На письма по электронной почте отвечал коротко и с большим опозданием.

Бывая в Париже, я всегда звонил ему, — наша сокурсница Тийна развелась с мужем и буквально умоля-

ла меня разыскать Уно, узнать, свободен ли он. Что тут скажешь... Старая любовь не ржавеет.

И вот мне наконец повезло, он пригласил меня в гости.

Все было вроде бы так, как тогда, в университетской общаге в Тарту, когда мы с Уно и другими студентами-физиками и математиками ночи напролет спорили о дальнейшей судьбе нашей цивилизации.

Но вот поведение его слуги, Юхана... Я бы такого камердинера уже давно прогнал, как говорится, в три шеи.

Наглый юноша уселся без спросу на диване рядом со мной, закинул ногу на ногу и принялся то и дело вмешиваться в нашу беседу. И это еще не все. Вы бы только видели, с каким восхищением Уно смотрел на парня, как он хохотал, выслушивая его неуместные реплики!

Мы с Уно обсуждали, удастся ли к трехтысячному году реализовать всем известный проект частичной колонизации Луны.

— Оказывается, эстонцы не зря посылают собеседника на Луну, когда сердятся!¹ — пошутил я. — Старый добрый скайп — наше изобретение, а послать на Луну — наше, так сказать, заклинание. Которое, по-видимому, начинает сбываться. Смотри-ка, заклинания работают!

— Но вы до этого не доживете, — вмешался слуга. — Кстати, по грибы эстонцы тоже посылают, когда сердятся. Но грибов в эстонских лесах становится все меньше. Наверное, именно потому, что часто посылают.

Уно расхохотался, смеялся до слез.

— А ты, Юхан, как считаешь? — спросил он, вытирая слезы. — Будет колония на Луне в начале следующего тысячелетия?

Юхан устроился на диване поудобнее, пощелкал зажигалкой, прикуривая сигарету, выдохнул дым мне прямо в лицо и важно произнес:

— Конечно, будет. Вещи — тени идей.

Надо же... камердинер читал Платона!

Уно снова рассмеялся. Он пришел от ответа слуги в такой восторг, словно Платон и Сократ лично явились в его квартиру, развалились на диване у камина и принялись философствовать.

— Вещи — тени идей? — спросил я. — Это ведь только сентенция! Что ты имеешь в виду, Юхан?

— Да, сентенция, — преспокойно согласился слуга. — А значит, обобщение. Обобщения не надо пояснять. Надо просто внимательно изучать жизнь, и тогда убедитесь, что они верны! Была идея послать на Луну? Была! Я вам больше скажу — теперь уже идеи — тени вещей!

— Что ты хочешь этим сказать? — недоумевал я.

— Вот, например. Будь на то моя воля, я бы уже первоклассникам выдал сборники сентенций, пословиц, афоризмов и велел бы выучить их наизусть. Вот и вся школьная программа! Пусть уже с детства знают, что яблоко от яблони далеко не падает. Как вам идея?

«Вот умник нашелся!» — мысленно возмущился я. Мне вспомнилась слезная просьба Тийны — напомнить Уно былые времена, когда у них был студенческий роман, стройотряд, где они, влюбленные, по вечерам пели песни у костра.

— Уно, а ты еще помнишь, как вы с Тийной все крутили ту пластинку с песней «Ох, эти давнишние времена» из телепередачи «Гороскоп»? Только теперь, когда нам всем стукнуло пятьдесят, мы прочувствовали, что такое «времена давнишние»...

— Ностальгия мне чужда, — сказал Уно, внимательно наблюдая за тем, как слуга снова наполняет его рюмку коньяком. — Ты, Юхан, нарежь еще лимона и принеси.

— Понимаешь, Андрус, — продолжал он, отпив глоток коньяка, — жизнь стала теперь несравнимо интересней, чем в нашей молодости. Технический прогресс творит чудеса. Вспомни хотя бы тогдашние большие виңиловые пластинки для проигрывателя!

Он встал с кресла, подошел к камину, взял в руки какой-то маленький пластмассовый черный шарик. — Угадай, сколько мегабайт информации сюда помещается? Удивлю тебя...

Но Юхан не дал ему договорить.

Он громко запел: «Ох, вы давнишние, ох, вы прекрасные, незабываемые времена! Ох, вы чудесные, как я хочу, чтоб возвращались вы хоть иногда!»

Вынужден признать, что у него был приятный тембр голоса и, по-моему, абсолютный слух. Уно слушал слугу прямо-таки с умилением.

«Этот субъект, — подумал я мрачно, — просто-напросто околдовал Уно! Ему не нужны больше ни я, ни Тийна, ни брак, ни дети.»

— С вашего позволения, я бы послушал концерт в другой раз, — сказал я, решительно поднимаясь с дивана. — Мне пора.

Уно и не подумал меня отговаривать.

— Не бывает ни лучших, ни худших времен, есть только миг, в котором живем², — с неприятной ухмылкой провозгласил слуга, широко распахнув передо мной входную дверь.

— Пошел ты по грибы, — тихо, так, чтобы не услышал Уно, процедил я ему в ответ, захлопнул с размаху за собой дверь и быстрым шагом направился к станции метро «Пасси».

Внутри у меня все клокотало. Самый фешенебельный округ Парижа! Шестнадцатый! А воспитание у прислуги — отвратительное! Из грязи в князи! Как только это терпит Уно! Всегда такой вежливый, сдержанный! У нас на курсе его даже прозвали англичанином...

Вернувшись в Таллин, я встретился с Тийной и сказал ей, что обзаводиться семьей Уно не планирует. У него на уме одна только работа.

— Наверное, у нашего «англичанина» кто-то есть, — вздохнула она.

— Мне, в общем-то, тоже так показалось, — признался я.

¹ Именно так в Эстонии и принято.

² Строка из стихотворения эстонского поэта Артура Алликсаара.

А Уно я написал по электронной почте: «Извини, что отнял у тебя целых полтора часа твоего драгоценного времени. Тебе было со мной скучно. Конечно же, мой коэффициент интеллекта, IQ, несравнимо ниже, чем у твоего так образцово вышколенного слуги, но я уже исправляюсь — вызубрил наизусть целых пять сентенций. Тийне я про твоего слугу говорить не стал. Verba volant, scripta manent¹. Андрус».

Ответ пришел, к моему удивлению, быстро. «Здравствуй, Андрус. Я вовсе не хотел тебя огорчать. Видишь ли, я преуспел в делах и смог заняться претворением в жизнь моей идеи фикс. На это ушли годы. Только что все получилось. Прости, но ты был для меня, так сказать, пробным камнем. Электронный мозг моего слуги содержит в себе весь Интернет — и информацию, и поисковики. Юхан и есть, так

сказать, материализация Интернета. Да, я создал робота с внешностью человека, это не так уж и ново теперь. Просто я довел сходство с человеком до совершенства. Это же приятно: по утрам не ты завариваешь себе чашку кофе и не несешь к компьютеру, тебя обслуживает мистер Интернет собственной персоной. Ты прав — общаться с людьми мне теперь не интересно. Мой слуга — лучший в мире собеседник. Ведь ему в мгновение ока доступна практически вся имеющаяся в мире информация. Ну а то, что он такой дерзкий... Я сам всегда хотел быть таким. С дружеским приветом, Уно».

* * *

Вот, значит, как... Теперь идеи — тени вещей...

Но я бы этих роботов изготавливал все-таки хотя бы ниже ростом! Законодательно запретил бы им быть выше, чем, скажем, метр тридцать...

¹ Слова улетают, написанное остается (лат.).

